

**Хаджи Шухрат Курвантаевич
Мавланов**

**О том, как по вечерам приходилось вагоны
разгружать**

Моя мама, как старая заслуженная коммунистка, настаивала, чтобы после вуза я шёл по партийной, а не по хозяйственной линии, тем более что общественная жилка у меня была всегда, я и сам легко всему новому обучался и мог людей организовать на получение того или иного результата. Отец же, спасибо ему, как мужчина, настоял на моей банковско-финансовой карьере. Я никогда не жалел об этом, как бы трудно временами не было (жил на копейчную зарплату и не имел собственного жилья).

Во время учёбы в Ленинградском финансово-экономическом институте я женился и поехал по распределению работать в город Брянск (инспектором в ОБХСС). «Подвела меня под погоны» наша военная кафедра. Моя же супруга поступила на работу в Брянскую областную контору Госбанка. Пробыл я инспектором в августе 1978 года ровно две недели. Тогда же меня пригласил к себе управляющий областной конторы Николай Иванович Рожков (потом он переехал в Ростов Великий) и предложил перейти работать к ним, пообещав паре молодых специалистов выделить жильё. Мне в местном МВД отказали в переводе, однако я парень восточный, энергичный и упёртый: месяц в Москве жил на вокзалах, но всё-таки дошёл до министра Н. Щелокова, и тот мне подписал открепление от распределения. За оформлением нового назначения я пришёл в Госбанк СССР и попал на приём к Сергею Ефимовичу Егорову. К тому времени Н.И.Рожков уже не очень сильно ходатайствовал за меня (раз всё так затянулось и скандально на самом верху решалось), пришлось все решения пробивать самому. Так я после нескольких месяцев борьбы за перевод оказался всё-таки в Брянской областной конторе Госбанка СССР, где начал работать экономистом. Потом быстро стал заместителем начальника городского управления Госбанка в Брянске (для начала два месяца пробыв и. о.). Одновременно поступил в заочную аспирантуру ленинградского Финэка по специальности «Финансы и кредит».

До банкира в своём банке я прошёл все ступени служебной лестницы, начав с перетаскивания в кассе денежных упаковок с мелочью, изучил на

Хаджи Шухрат Курвантаевич Мавланов

1978

Экономист Брянской областной конторы, заместитель начальника брянского городского управления Госбанка СССР

1978–1986

Экономист Калининской областной конторы Госбанка СССР, зам. директора курсов повышения квалификации кадров Госбанка СССР

1986–1989

Главный экономист, первый зам. генерального директора, коммерческий директор республиканского главка спецсвязи

1989–2001

Председатель правления банка «Тверь»

своём опыте все азы кредитования, расчётов и учёта (кроме, пожалуй, отдела торговли, я всем в банке хоть какое-то время профессионально занимался).

Ездить мне приходилось много. Тёща моя жила в Твери (тогда Калинин), в Питер регулярно ездил в аспирантуру, на поездку в один конец каждый раз тратил два дня, что было очень неудобно. Тогда я вновь пошёл в Госбанк на приём к Сергею Ефимовичу Егорову, стал просить его о переводе в Калинин. Однако мне все упорно отказывали — мол, нет там подходящей должности, уйдёшь с большим понижением. Но я вновь упёрся, хоть снова впереди маячили годы мытарства без жилья. Принимал моё место зампреда городской конторы в Брянске Василий Иванович Клицков. Потом он стал заместителем начальника управления денежного обращения в Госбанке СССР и здорово мешал началу моей работы в качестве самостоятельного банкира (когда я в 1989–1990 годах регистрировал банк «Тверь»). Лично ко мне Клицков не имел ничего и отнёсся хорошо (даже давал разумные советы, как «приделать ноги к бумажке»), однако тогда в центральном аппарате Госбанка и Минфина СССР была дана команда не торопиться с регистрацией коммерческих банков. Разумеется, если человек приходил «с улицы», а не был «позвоночником» (то есть не шёл по звонку из ЦК,

правительства, министерства или другой высокой инстанции).

С тёщей у меня тогда были трудные отношения, приходилось на последние гроши снимать жильё, а временами опять ночевать на вокзалах. К тому же вскоре у меня родился сын. Любой ценой я хотел побыстрее закончить аспирантуру ЛФЭИ и защититься. Контора Госбанка Калининской области рассматривалась мной как временный этап. Судьба распорядилась по-иному. Научным руководителем у меня был племянник того Н.А. Вознесенского, чьё имя носит наш вуз, Эрнест Александрович Вознесенский, заведующий кафедрой финансов ЛФЭИ. И диплом, и диссертация были на стыке двух кафедр — кредитно-денежного обращения и финансов: «Финансово-кредитные рычаги стимулирования производства товаров народного потребления». Диссертация была почти готова к защите,

но тут у меня случилась трагедия: 15 января 1982 года мы поехали в аэропорт Домодедово, попали в аварию, в которой погибла моя жена. Очнулся в реанимации Солнечногорской больницы с многочисленными переломами, однако удрал из палаты. Мне пришлось сообщать маме жены, что её единственная дочь погибла. Тёща у меня уникальной человек: трудный по характеру, но замечательный по своему упорству и порядочности. Прошла через немецкие лагеря Молодечно и Маутхаузен (её угнали в пять лет), все родные её погибли, но отец нашёл своих дочерей в Польше на поле боя. О ней написано в книге «Дети войны». Я ей как муж дочери не нравился, но после гибели жены всё изменилось. Тёща и сейчас в нашей семье самый родной человек. В 80-е годы она помогала мне воспитывать внука, потом других моих детей от нового брака, а теперь уже и наших правнуков.

Зарабатывал я в начале 80-х годов 72 рубля 50 копеек, но не ушёл из банковской системы. Хотя по вечерам приходилось вагоны разгружать, занимать и перезанимать деньги — помогать было некому. Однако я всегда тёще уверенно говорил, что как только квартиру получу, то первым делом куплю машину (я действительно никогда в этом не сомневался). А она на это отвечала: «Ты бы лучше себе ботинки для начала купил, а то те, что носишь, уже разваливаются...»

Действительно, когда ко мне из Средней Азии в Калинин приехал старший брат, то он, увидев, в чём я хожу, подарил мне свои ботинки. А я тогда пообещал купить ему машину, как только встану на ноги. Слово я сдержал, купил брату «Волгу» и привез её в Чимкент самолетом, буквально перевязанную бантиком. Брат очень волновался тогда, спрашивал, не попал ли я дурную кампанию, интересовался, откуда у меня такие деньги, не украл ли я их. Ибо для моего родного района своя «Волга» была показателем невероятной «крутизны» человека: иметь её мог себе позволить только большой начальник или крупный теневик.

Это было уже в 1988 году — тогда я начал работать над созданием моего собственного банка, зарегистрировались мы намного позже, но я уже стал в Калининском большом человеком. В зарождающейся кооперации я быстро себя нашёл.

Однако в 80-х всего этого жизненного успеха ещё не было. Наш начальник калининского главного управления Госбанка Степан Федорович Ершов проработал на этой должности бессменно 26 лет, переехав на Верхнюю Волгу с Алтая. В старом здании дореволюционной архитектуры годами протекали потолки, утром в кабинетах всегда стояли тазики для сбора воды, лепнина с потолка сваливалась (в том числе и в операционном зале). В общем, мы работали в ситуации крайней скудности и безнадёги. Материальное обеспечение Госбанка было мизерным. Помню, как выделили главе конторы голубую «Волгу», поставили её в гараж, и все ходили туда на «экс-

курсию», смотреть на это чудо. Ведь она была единственной машиной на всю систему Госбанка в области, не считая, конечно, инкассаторских машин. Родовались мы недолго — через несколько дней крыша гаража рухнула, и машину просто раздавило!

Вот такое начисто разваленное хозяйство принимал новый руководитель конторы Александр Васильевич Бездольный, переведенный к нам с поста заместителя республиканской конторы Якутской АССР. Надо вам признаться, что тверские люди в массе очень злые (или, как минимум, недобрые). Никто из местного начальства «чужака» Бездольного встречать не захотел. Делегировали в аэропорт этим заниматься другого пришлого — Мавланова, то есть меня. Новый начальник спрашивает: «Парень, а ты по должности кто?» Отвечаю: «Замдиректора курсов».

Надо добавить, что меня как молодого и энергичного выбрали тогда замкомсорга в областной конторе, однако дальше не повышали, пару раз по очень смешным мотивам отказывали в приёме в партию. Моя начальница отдела была инвалидом, со времен войны у неё не было правой руки, капризная старая дева «со своими тараканами в голове». Ей как-то приснился сон, что Шухрат Мавланов украл папку с директивными документами, которой, кстати, в реальности не существовало! Тем не менее она написала докладную записку, и мне за недостойное поведение в её фантазиях отказали в приёме в КПСС. Я потребовал разбирательства с этим бредом. Быстро выяснилось, что ничего не пропадало, все папки на месте, но, как говорится, «ложки нашлись, а осадок остался». В общем, всё, как в анекдоте про Абрама, которому 17 старейшин не давали рта открыть, ругая его по поводу того, что у него «дочь-проститутка еврейскую общину позорит». Постановили его изгнать из местечка. «Ладно, — говорит Абрам, — изгнали, так изгнали, слова, как еврею, сказать в защиту не дали! Так теперь как изгоя вы меня уже не заткнете, я вам напоследок скажу правду: у меня вообще нет дочери, у меня только сын». — «А это теперь никого не олнует!» — ответили на это старейшины кагала...

Этот скандал не просто интересная подробность биографии, он сильно сказался на моей дальнейшей судьбе, сделавшей меня первым банкиром-частником в Тверской области. Когда Сергей Ефимович Егоров через некоторое время захотел выдвинуть меня на руководящую работу в Госбанке СССР и вызвал в Москву поговорить, то он никак не мог поверить, что по таким вздорным мотивам Мавланова не приняли в партию. «Ври, да не завирайся!» — сказал он мне. Но наш секретарь парткома, начальник технического отдела Виктор Иванович Петров сообщил ему по телефону, что «служебная записка начальницы не подтвердилась», но партком проголосовал за то, чтобы приём Мавланова в ряды КПСС отложить. «Ну, ты, Шухрат, уникальный человек по умению притягивать неприятности и вли-

пять в странные истории!» — только и смог сказать С. Е. Егоров. В областной конторе не любили энергичного и шибко грамотного чужака-азиата с питерским образованием, человека, непрерывно едзящего в аспирантуру ЛФЭИ и непонятно зачем приехавшего в Калинин. Тем более что даже в сравнении с Брянском (тоже, прямо скажем, не столица) эта контора при Ершове была одной из самых захудалых в России. Честно говоря, меня сильно расстроила эта история. Я не спал несколько ночей. Думал даже уходить с банковской работы, так как не видел никаких перспектив: заниматься мне приходилось в основном всевозможным ремонтом, ездить на подшефные стройки, к тому же всех, кто ещё мог шевелиться, регулярно отправляли в колхоз на сенокос.

Мужиков в «богадельне», которой был Госбанк Калининской области при С. Ф. Ершове, практически не было: в инкассации работали деды-пенсионеры и один молодой хромой парень. Я тогда поссорился и даже подрался со своим другом, капитаном Советской армии. Мы мирно выпивали в компании. Приятель спросил меня, где я работаю и, получив ответ, что в Госбанке, искренне спросил: «Шухрат, а ты что, кривой или хромой? Другие мужики в банках ведь не работают!» И действительно, кто здоровый и не сумасшедший добровольно пойдет трудиться за заработную плату в семьдесят, максимум сто рублей?!

Когда в банк пришёл А. В. Бездольный, он, естественно, сделал расчёт на меня, ему я, видимо, сразу понравился, тем более что только мы с ним два мужика на всю областную контору были люди с нормальным финансово-банковским образованием. Все остальные кончали «политехи-молитехи», как говорят восточные люди, а потом уже на работе чего-то нахватались. В Госбанк шли преимущественно тихие дисциплинированные исполнители (обычно женщины).

Хоть наша работа далеко не всегда годилась для женщин. Сами подумайте, каково каждый день после инкассации мешки с мелочью в хранилище ворочать... Получается десять тонн на человека в месяц. Я как человек, который проработал заведующим областной кладовой в Госбанке, всё это познал на собственной шкуре. А вообще свою деловую карьеру я начал делать «на сене», где после хранилища просто «отдыхал на природе».

План шефской помощи я, естественно, регулярно перевыполнял. Плюс прибавка к зарплате в 26 рублей на каждого человека. Как я уже отмечал, к Госбанку в обкоме КПСС при С. Ф. Ершове было презрительное отношение, как к полной «богадельне». А тут мы создали фактически частную бригаду по заготовке сена. Вопреки всяким инструкциям ещё в 1984 году добыли технику и помещение. В бригаду вошёл и начальник А. В. Бездольный, ему тоже после Якутии в удовольствие было косою помахать, тем более что средств и полномочий быстро вывести областную контору из развала и ни-

щеты не было. Наша профессиональная банковская работа в обкоме и облсполкоме тогда никого не интересовала. Зато регулярно «трясли» за выполнение годового плана — сдать 10 тонн сухого сена! До «реформирования» сельхозбригады мне, как её руководителю было нелегко: выезжали в три часа ночи, первый укос в половине пятого утра, девчонки кос держать в руках не умеют... в перестройку начали сдавать по 100 тонн, фактически создав вполне частную «фирмочку» с использованием самых разных ресурсов.

В колхозе мы приобрели частный дом в деревне для постоянного проживания бригады, чтобы не возить людей ежедневно в 5 утра на покос. Александр Васильевич стал там «по совместительству» начальником, а я — заместителем с функциями «за всё в ответе». С середины 80-х годов сено мы перестали заготавливать, да и другими глупостями по поручению обкома КПСС больше не занимались. А созданные нами в те годы курсы и сейчас живут и работают, успешно трансформировавшись. Благодаря нашему нововведению, энергии и таланту А. С. Бездольного мы оказались по статусу в штате центральной конторы Госбанка СССР. Особо хочется отметить личный вклад А. В. Бездольного в развитие всей банковской структуры Тверской области. Только благодаря его энергии, настойчивости, трудолюбию тверская (калининская) контора Госбанка СССР превратилась в одну из лучших по оснащенности и качеству работы главных управлений Банка России. На новом комплексе зданий ГУ ЦБ РФ по Тверской области (кстати, выходящем по периметру на четыре улицы в центре Твери) я бы установил памятную доску со словами благодарности Бездольному. Место у Калинина было стратегическое — между Москвой и Ленинградом. Для приезжих мы построили нормальную гостиницу. Это был мой первый удачный самостоятельный проект в жизни. Благодаря тому что на курсы приезжали проходить переподготовку руководители республиканских контор, я с ними со всеми тогда перезнакомился. Однако как-то раз мы с Бездольным сильно повздорили, перегруз был большой, на мне лежала тяжёлая текущая работа, не выдержали нервы. Это опять резко изменило мою дальнейшую биографию. Тогда я страшно переживал разрыв. 1 октября 1986 года ушёл из банковской системы, как мне тогда казалось, навсегда!

И вдруг...

Однако что ни делается — всё к лучшему, по крайней мере на моём жизненном пути. А. В. Бездольный звал меня неоднократно обратно, однако я уже ушёл в республиканский главк спецсвязи главным экономистом. Вскоре стал там первым замом генерального директора, а потом и коммерческим директором главка (причём от переименования должностей обязанности мои не менялись). Тогда же в области началось кооперативное движение.

Я начал в нём активно участвовать и в 1987 году стал уже хорошо зарабатывать. Наконец, появилось своё нормальное жильё. И вот в моей жизни происходит очередное «и вдруг». Было объявлено о возможности зарегистрировать кооперативный банк.

Я сразу пошёл в архив города Твери и нашёл старый устав Крестьянского земельного банка: он чуть в переработанном виде и лёг в основу документов банка «Калинин» (в итоге всё-таки зарегистрированного как «Тверь»). Текст устава остался почти без изменения. «Примерным уставом», подготовленным Госбанком (тогда он лежал где-то за семью печатями), или ещё чьей-то помощью мы в своей работе над документами не пользовались.

Реальную работу над своим банковским проектом я начал с того, что пришёл в к А. В. Бездолному. Отношения у нас к тому времени нормализовались. Материальное положение моё поправилось, да и по своему новому статусу я вошёл в круг руководителей области. К тому же руководитель республиканского главка спецсвязи был дальним родственником В. М. Видьманова, замминистра Госагропрома РСФСР (они земляки-сибиряки ещё по Красноярскому краю). Начальник мне полностью доверял, потому что я делом доказал свои профессиональные способности.

В конце 1986 года, когда пришёл на работу, у предприятия было полмиллиона убытка, за два года у нас накопилось 850 тысяч рублей свободных денежных средств.

Благодаря своему влиянию в обкоме Бездолный без труда согласовал устав коммерческого банка «Калинин». Дальше я с учредительными документами начал ходить по московским коридорам Госбанка. Когда принёс проект Устава (с дореволюционными корнями), сотрудники главного банка удивились и поинтересовались, где я его взял. Потом А. Т. Застроженева дала мне чей-то уже зарегистрированный устав, чтобы я внёс исправления в свой вариант. После проведения учредительного собрания 11 октября 1989 года я подал документы на регистрацию, 12 марта 1990 года мы были зарегистрированы под № 256.

В общей сложности я проходил, получая подписи, более полутора лет после утверждения бумаг на уровне области! Ну, Калинин хоть рядом с Москвой расположен, другим провинциалам было ещё хуже. Взятки тогда за разрешения практически не брали, никто нам и не намекал на это, но всё делалось через личные знакомства (в ЦК или правительстве). Ходокам не отказывали, но и не давали разрешения. Бумаги наши читали неохотно, большинство чиновников Госбанка СССР откровенно тормозили процесс регистрации, они действовали по бюрократическому армейскому принципу: не спеша приказ выполнять, подожди, пока его отменят.

Зампред Госбанка СССР В. С. Захаров, ответственный за регистрацию коммерческих банков, открыто мне говорил, что «все эти коммерческие бан-

ки — пустое баловство начальства, реально нас открыли, чтобы потом быстро прихлопнуть». А вы тут «только ходите и мешаете Госбанку работать нормально». Главной препоной при регистрации был вопрос денежного обращения. Новым банкам просто не давали разрешения на инкассацию, а потом сами и говорили: что вообще вы будете за банк? Кому такие банки будут нужны?! Предлагали поэтому мне назвать моё детище «кооперативным товариществом кредитной взаимопомощи» (практически — «кассой взаимопомощи»).

Туалетный банк

Я уже говорил в начале своих воспоминаний, что от Василия Ивановича Клицкова с первого раза всех претендентов на создание банка вышвыривали из кабинета. Секретарша категорически не хотела меня записывать к нему на приём. Васю я поймал в «предбаннике». Он шёл на совещание руководства Госбанка, узнал меня и пригласил к себе. Но в результате я просидел четыре часа под дверью его кабинета. Василий обо мне забыл за безумной суетой чередующихся совещаний. Разумеется, для начала он мне, как и всем, отказал. Однако ему явно хотелось с кем-то поговорить и пообщаться из круга старых друзей: мне показалось по разговору, что в центральном аппарате он новичок и «нелюбимый чужак». Тогда мы зашли в какой-то жуткий «шалман» в центре Москвы, Вася для приличия немного расспросил меня про дела в Калининской области. Я заинтересовался, как он попал в Москву из Брянска, и выяснил, что ему оказала протекцию дальняя родня, попавшая в перестройку в аппарат ЦК КПСС.

Возвращаясь к делам с моей регистрацией, выяснилось, что капля камень точит, и Госбанк СССР уже не может удержать монополию на инкассацию. В конце концов кассовые центры разрешили создать ряду новых банков. Я знал, в частности, что бумаги банку «Энергомаш», включая разрешение на открытие расчётно-кассового центра, подписал лично Н. И. Рыжков. Василий отбивался, говорил, что это исключение, просил меня показать ему их бумаги. Я же напирал, что кому-то Госбанк даёт в порядке исключения разрешение, а провинциалов с улицы гнобят! В то же время с трибун Горбачёв вещает про перестройку, что «разрешено всё, что не запрещено!» Всё, что мог сказать в итоге мне по старому знакомству В. И. Клицков: «Попробуй пробиться на приём к председателю Госбанка СССР и убедить его подписать бумаги». Тогда же состоялся разговор с зампредом Захаровым. Он был ещё менее результативен, со мной с позиции бюрократической силы говорил откровенный противник коммерческих банков. Опять я пошёл с горя к А. В. Бездоль-

ному. И тот, как глава успешной конторы, которая вся была выстроена практически заново и стала одной из лучших в РФ, записался на приём к председателю Госбанка СССР Н. В. Гаретовскому. Его мне и удалось убедить разрешить нам подписать бумаги. Тогда нас сразу отправил к Застрожной, а та ругается на чём свет стоит: «Сколько можно нас заваливать вашими безграмотными бумагами!» Впрочем, на общем фоне к нам претензий больших не было, только переименовали мы банк из «Калинина» в «Тверь».

После этого нас с А.В. Бездольным отправили в Минфин, там подписывающим разрешения на открытие новых банков был начальник финансового управления Китайгородский, пожилой такой дядечка. Он начал нас пугать, говорить, что наши шансы минимальные, так как у Минфина с Госбанком нет взаимопонимания в вопросах регистрации, тем не менее пообещал доложить руководству. Самому ему явно не хотелось ничего решать. Так мы попали к министру Валентину Сергеевичу Павлову.

Вошли, видим: сидит за столом полный мужик в очках. Он послушал нас с Бездольным и в итоге при нас дал распоряжение Китайгородскому решить вопрос положительно. Я тут и говорю Павлову: «А сегодня можно документ подписать?» — «Нахал! — отвечает мне Павлов с полоборота, — будь рад, что я тебя сегодня вообще принял!»

А я стою на своём: «Было бы здорово сегодня, 12 марта, в мой день рождения зарегистрировать банк». Он серьёзно посмотрел мою объективку (в бумагах по банку «Тверь» лежал мой личный листок). Махнул Валентин Сергеевич рукой и сказал: «Ладно, регистрируем сегодня, с тебя шампанское!» Выскочил я из Минфина и начал бегать по центру Москвы, не зная, где взять ящик шампанского. Всё-таки где-то нашёл и лично понёс к Китайгородскому. Охрана в Минфине меня с таким грузом пускать не хотела. Когда дозвонился до приёмной, там тоже удивились: «Да Валентин Сергеевич просто пошутил!» Тут уже я упёрся, мол, ничего не знаю, привык точно и в срок выполнять распоряжения руководства: сказано — шампанского, значит, будет шампанское. Попросил Китайгородского позвонить Павлову. Валентин Сергеевич долго смеялся, но отметить согласился...

Позже на одном из съездов Ассоциации банков России я встретился с Павловым, возглавлявшим тогда Часпромбанк. Я был ведущим заседания и в перерыве к нему подошёл. Он мою регистрацию запомнил, мы с ним пообедили и вспомнили тот ящик шампанского.

Поскольку мы сразу создавали коммерческий банк (а не кооперативный), то надо было собрать уставный капитал в 5 млн рублей. Поровну по миллиону дали местный Госнаб, энергетики, наша спецсвязь наскребла и ещё пара организаций. Перевели деньги на накопительный счёт к А.В. Бездольному в Госбанк. Помещение нашли там же, сначала получи-

ли буквально два туалета и полуразрушенный зальчик. Туалеты демонтировал и чистил я самостоятельно (Бездольного, кстати, сразу обвинили в разрушении стояков, находящихся на балансе). Сделали в этих помещениях сначала бухгалтерию и кассу, и мне достался маленький кабинетик, огражденный стеночкой из оргалита. Охрана Госбанка поначалу бунтовала, не желая пускать частников в казенный дом, но понемногу ситуацию с ними утрясли. Всё было кустарным. Секретаршу раз захлопнули в кабинете — три часа дверь, оставшуюся со времен существования туалета, ломали, чтобы её вызволить. Все спецбанки в области иронизировали про «туалетный банк «Тверь», а мы успешно работали. Дополнительное доверие клиентов нам давало то, что мы всё-таки находились изначально на территории Госбанка. Руководители спецбанков Тверской области (прежде всего руководитель областного Жилсоцбанка А. М. Козырева) негативно говорили про нас в своих интервью, однако на самом деле только создавали нам тем самым рекламу. Объективно мы оказались союзником Госбанка против спецбанков. У нас стали появляться первые клиенты (кроме пяти учредителей). Мы придумывали всякие хитрые ходы. Так, мы первыми в регионе начали выдавать деньги на представительские расходы по заявкам клиентов, размножили « типовые сметы приёма делегаций ». Я сам этим лично занимался, придумал, как обходиться без всяких чеков.

Общественная деятельность

Теперь я хотел бы ещё рассказать о своей личной работе по налаживанию в конце 80-х и начале 90-х годов межбанковских взаимоотношений. В 1989 году я стал инициатором создания первого объединения банков в масштабах Калининской области. Тогда, правда, у нас были только спецбанки. Так что объединение так и оставалось долго на бумаге: позиции А. В. Бездольного вместе с региональной конторой Госбанка СССР слабели (хотя он сопротивлялся отчаянно нажиму «спецбанков»). А на меня и «Тверь» спецбанки смотрели сверху вниз. К тому же я уже рассказывал, что в 1990–1991 годах власти на нас в регионе стали сильно воздействовать и кнутом, и пряником, так что каждый банкир предпочитал тогда решать свои проблемы в одиночку. У меня и сегодня сохранился первый протокол о создании областного объединения банков во главе с А. В. Бездольным. Встречу мы провели у себя в помещении республиканских курсов повышения квалификации руководящих работников Госбанка СССР. А вот на всесоюзном (а потом и на всероссийском) уровне дела по объединению и сплочению всех активных банковских сил шли значительно лучше.

Осторожно: мошенники

О том, что иностранные инвесторы не спешат сейчас вкладывать деньги в российское производство, хорошо известно. Поэтому многим показались по меньшей мере удивительными чрезвычайно выгодные финансовые предложения из Нигерии.

Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Краснодар, Курск, Екатеринбург, Воронеж, Сыктывкар, Самара, Псков — вот далеко не полный перечень мест, куда были направлены из далекой Африки письма от Нигерийской национальной нефтяной компании, министерств горнорудной промышленности, авиации, связи, энергетики, центробанка, крупнейших частных фирм. Предлагалось заключить договоры о переводе на сказочных условиях на валютные счета российских производственных объединений, акционерных обществ, концертов в общей сложности до 1 миллиарда долларов США.

Письма, подписанные разными лицами — докторами, руководителями финансовый учреждений, князьями, консультантами ООН и другими, — были удивительно похожи. В преамбуле — дифирамбы уважаемому российскому сэру и его фирме. Затем рассказывалась байка о кругленькой, в несколько десятков миллионов долларов бесхозной сумме, которая имеется у адресанта. Это не наркодоллары, хотя деньги получены не совсем праведным путем, а посему использовать их в Нигерии неловко.

Далее предлагалось российскому другу принять эту сумму на свой валютный счёт, а за такую услугу благодетели из Нигерии обещали счастливицам от 25 до 30 процентов всей суммы, т. е. от 5 до 15 миллионов долларов США. Фантастика!

Все издержки по переводу денег нигерийцы брали на себя, предлагая российскому держателю валютного счёта выслать в нигерийскую столицу адрес банка, номер телефона, факс, телекс, номер валютного счёта, образцы печатей и подписей организации.

Понимая, что вряд ли кто сразу пришлёт бланки с печатями и подписями, аферисты (сомнений в том, что орудует банда мошенников, нет) останавливают свой выбор на колеблющихся. Начинается интенсивный торг, обмен факсами, письмами. В конце концов клюнувший на приманку приглашается в Лагос со всеми банковскими атрибутами.

Нигерийское коррумпированное чиновничество обеспечивает инкогнито российского бизнесмена. Он не проходит таможенного досмотра и иммиграционного контроля, сразу попадает в руки нигерийской мафии. Она потрошит скудный валютный счёт российского бизнесмена. Преступники располагают достаточной информацией о финансовых возможностях его фирмы, его друзей и друзей его друзей. Обширная переписка с падкими на дешевизну предпринимателями позволяет мошенникам из Африки соби-

рать конфиденциальную информацию о состоянии кредитно-финансовой системы России.

История с нигерийской мафией на первый взгляд может показаться надуманной или преувеличенной. Однако судите сами. В 1990–1991 годах нигерийцы атаковали объединившуюся Германию. Газета «Франкфуртер цайтунг» писала, что немецким адресатам в 1990 году было направлено более 100 писем с сомнительными деловыми предложениями о переводе больших сумм из Нигерии. Несмотря на авантюрный характер предложений, в Германии в 10 случаях было получено согласие от бизнесменов. Свыше 10 миллионов марок удалось похитить мошенникам из Нигерии у торговца текстилем, владельца лесного питомника и других деловых людей.

Позднее нигерийцы переключились на страны Восточной Европы, а теперь вот начали бомбить Россию. Не требует особых доказательств тот факт: преступники орудуют там, где отсутствует надлежащий контроль, где к операциям с финансами допущены сомнительные, а порой и криминальные личности.

И хотя не обвинишь аферистов в изобретательности, любителей лёгкой наживы они находят и в Германии, и в Польше, и в России.

Осторожно: мошенники // Российская газета. — 11.06.1994.